

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур, или, выражаясь языком западных исследователей, проблемы имэджинологии, находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, изучаются все более активно. В частности, появились работы, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения внешнеполитических представлений и стереотипов в контексте новой российской истории. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях поиска Россией нового места в мире, трудно переоценить. Изучение истории взаимовосприятия сразу же выводит на очень важные исторические сюжеты. Например, анализируя на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего Средневековья и заканчивая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости/закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец, его, если угодно, «культурное бессознательное». Здесь имеются в виду некие очень устойчивые, очень древние механизмы, существующие в любой культуре, которые этой культурой и ее носителями не осмыслены, но оказывают на нее сильное, порой определяющее влияние¹.

Исследуя специфику восприятия внешнего мира различными социальными слоями и группами, мы должны по-новому взглянуть на их взаимоотношения. Что такое воспринимающее мир «российское общество» XIX в.? Это то, что мы иначе именуем «образованным классом». А «советское общество» в его отношении к миру? Это практически все социальные слои и группы, от министров и академиков до пожилых колхозников, которых «беспокоил Гондурас». Другой аспект темы – формирование образа России в мире – подразумевает обращение и к истории дипломатии, включая культурную дипломатию, и к выявлению специфики различных типов цивилизации, и т.д.

Представления об иных этносах, странах, культурах – неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске. Такие представления складываются исторически и зависят от ряда факторов – от того, кто выступал их носителем («книжники» естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т.д.²

В последнее время приобрела признание концепция географических образов, сформулированная Д.Н. Замятиным: «Географические образы – это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими выделенными территориями»³. Однако, если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А.А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т.п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т.п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁴. Столь расширительное толкование «географических образов» трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т.д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

В большинстве исследований, посвященных представлениям о внешнем мире, иных этносах, культурах, государствах, речь идет об этнических стереотипах, под которыми понимаются, соответственно, образы этнических групп⁵. Однако и это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составля-

ют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д. Столь же односторонним является и другое понятие – внешнеполитические стереотипы⁶, ибо в этом случае как бы за рамками остаются представления о быте, культуре, национальном характере. Вместе с тем внешнеполитические стереотипы представляют собой следующий этап в восприятии внешнего мира.

На определенной стадии географические, этнические и внешнеполитические стереотипы дополняются и частично вытесняются инокультурными стереотипами, которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни. Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁷. Вместе с тем термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (в том числе географических, этнических, внешнеполитических и проч.)⁸.

Говоря о формировании инокультурных стереотипов как коллективных представлений, необходимо подчеркнуть одну особенность этого процесса. Как известно, само наличие, сложность и адекватность представлений о внешнем мире зависят от двух факторов: возможности получать информацию и желания получать информацию. Очевидно, что их наличие не всегда совпадает, и человек, по своему статусу имеющий доступ к закрытой информации о внешнем мире, может совсем не использовать свои возможности. В то же время человек, обладающий навыками аналитического мышления, в современном обществе способен при желании извлекать достаточную информацию из самых разнообразных, иногда случайных и поверхностных, источников. Анализ отечественной истории в контексте мирового развития через призму различных ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, неочевидные для современников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи. Именно на пересечениях различных дискурсов, на границах культур, в процессе незавершенного диалога по самым принципиальным и заветным вопросам проявляются такие значения и оттенки исторического процесса, которые не могут быть выявлены исследователем в ином контексте.

Работа по данной тематике в Институте российской истории РАН началась в связи с инициативой Центра по изучению отечественной культуры в 1992 г., когда была создана группа по изучению международных культурных связей России. В начале 1994 г. был проведен «круглый стол» «Россия и Европа в XIX–XX в.: проблемы восприятия иной культуры». Проблематика /«круглого стола» вызвала большой интерес исследователей. По предложению участников первого заседания было решено проводить «круглый стол» ежегодно, а также расширить круг обсуждаемых тем и их хронологические рамки. Всего в 1994–2010 гг. состоялось 17 заседаний «круглого стола», на которых было заслушано и обсуждено свыше 400 докладов и сообщений. Помимо сотрудников Института российской истории, на «круглом столе» выступали исследователи из целого ряда академических институтов и крупнейших вузов. Но, пожалуй, в первую очередь следует отметить активное участие российских исследователей из других регионов⁹. Свообразным предварительным итогом изучения проблем взаимовосприятия явилась состоявшаяся в ноябре 2008 г. в Институте российской истории Всероссийская научная конференция, специально посвященная данной проблеме. Лейтмотивом содержательных дискуссий на конференции стало стремление к выработке новой методологии, сочетающей в себе исторические, культурологические и социологические проблемы. Кроме того, участники конференции обратили внимание на ее актуальность с точки зрения интеграции академической и университетской науки¹⁰.

На основе материалов первого «круглого стола» был подготовлен сборник статей «Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996), получивший положительную оценку научной общественности¹¹. Именно начиная с этого сборника понятие «взаимовосприятие культур» прочно вошло в научный оборот. За первым сборником статей последовало еще 6, начиная с коллективного труда «Россия и внешний мир: диалог культур» (М., 1997). С 2000 г. сборники издаются под общим названием «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия» (таковых вышло в 2000–2009 гг. уже 5). Эти издания также получили высокую оценку научной общественности¹². Параллельно, в 1998 г., вышла коллективная монография, посвященная механизмам и особенностям формирования внешнеполитических стереотипов в советском обществе¹³ и вызвавшая благоприятные отклики в России¹⁴ и за рубежом¹⁵.

Что касается ближайших перспектив разработки проблем взаимовосприятия культур, в этом плане можно наметить два основных направления. *Первое* из них связано с расширением круга используемых источников, которое уже наметилось в практике исследований. Помимо ставших традиционными периодики, источников личного происхождения, разного рода информационных материалов, исследователи все чаще привлекают материалы художественной литературы и кинематографа, визуальные и устные источники (например, слухи). Так, в декабре 2009 г. состоялось заседание «круглого стола» по теме: «Мир в зеркале политической карикатуры», причем в центре внимания стоял вопрос о специфике политической карикатуры как исторического источника¹⁶. В последние годы в российской историографии появились работы, где она предстает именно в этом качестве. Советская политическая карикатура при условии ее анализа на протяжении относительно долгого периода позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании. Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной – помимо немногочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником ее могла служить лишь кинохроника, также относительно малодоступная. И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе, составляли часть привычной повседневности, и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. И поэтому образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. «В отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя» – отмечает современный исследователь¹⁷. Оставляя в стороне многие нюансы, следует учитывать, что карикатура формирует упрощенную картину реальности, в свою очередь, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы. *Второе* перспективное направление исследований связано необходимостью дальнейшей разработки понятийного аппарата, «снятия» избыточной пестроты терминологии, и т.д. А это, в свою очередь, ставит вопрос о создании обобщающих работ, например, коллективной монографии, посвященной эволюции инокультурных стереотипов в российском обществе XIX – начала XX в.

Обе указанные тенденции в той или иной мере нашли отражение и в материалах предлагаемого вниманию читателей тематического цикла.

А.В. Голубев, заместитель главного редактора журнала «Российская история»

Примечания

¹ Известный литературовед А.Ю. Большакова недавно предложила свое определение: «Мы можем особо выделить культурное бессознательное как некую сферу, в которой дремлют изначальные архетипические образы, идеи, мотивы, получающие затем актуализацию в художественном творчестве» (*Большакова А.Ю. Архетип, миф и культурное бессознательное в мире Юрия Кузнецова // Миф и действительность в творчестве Юрия Кузнецова. М., 2009*). Важно подчеркнуть, однако, что сфера влияния культурного бессознательного ни в коей мере художественным творчеством не исчерпывается.

² О формировании подобных представлений в ходе российской истории см.: *Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н. История. Россия и Запад // Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 21–37.*

³ *Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.*

⁴ *Василенко А.А. Образ Германии в интеллектуальной среде России 30–40-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 18.*

⁵ См.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.

⁶ Этот термин был предложен еще в 1960-х гг. (наравне с «дипломатическими стереотипами», (*Зак Л.А.* Указ. соч. С. 76–103). С середины 1990-х гг. он широко включается в научный оборот. См., напр. *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // *Отечественная история.* 1996. № 1. С. 104–120; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов...; и др.

⁷ О разнице между образами и стереотипами см.: *Егорова Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения.* 1988. № 12.

⁸ См.: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина: наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX века. М., 2005. С. 98–116.

⁹ Опубликованные отчеты о 1–17 заседаниях «круглого стола» см.: *Отечественная история.* 1995. № 3; 1998. № 3; 1999. № 1, 6; 2001. № 2, 6; 2003. № 3; 2006. № 5, 6; *Российская история.* 2009. № 2. 2010. № 5.

¹⁰ Отчет о проведении конференции см.: *Российская история.* 2010. № 1. С. 194–199.

¹¹ *Улуния А.А.* Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур / *Отечественная история.* 1998. № 5. С. 215.

¹² Рецензии см.: *Отечественная история.* 2004. № 6; *Историографический сборник.* Вып. 21. Саратов, 2004. С. 265–276.

¹³ Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов... На следующий год книга была переиздана в США (на русском языке).

¹⁴ *Отечественная история.* 1999. № 6. С. 169.

¹⁵ *Slavic Review.* 2003. Vol. 62. N 4. P. 734.

¹⁶ Отчет см.: *Российская история.* 2010. № 3. С. 217–218.

¹⁷ *Дмитриев А.В.* Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 69.

© 2010 г. О. Ю. КАЗАКОВА*

ГРАНИЦЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ: термины, дефиниции, понятия

Изучение инокультурных представлений – востребованное научное направление, имеющее множество приверженцев, плененных новизной и актуальностью проблематики, сочностью исторических полотен, источниковой и тематической свободой. В то же время данная область исследований испытывает значительные теоретико-методологические трудности, наиболее очевидной из которых является отсутствие общепринятого понятийного аппарата. Стремление современного гуманитарного знания к глобальному научному синтезу оборачивается утратой потребности в терминологической строгости, ясности, определенности. В результате, с одной стороны, в сферу изучения инокультурных представлений легко проникают дефиниции смежных и даже далеких от нее дисциплин (программирования, лингвистики, психопатологии и пр.). С другой стороны, лакуны в тезаурусе легко заполняются новоизобретенными, порой бессодержательными (например, «образ-имидж»), плохо переведенными («идентитет»), иногда уродливыми («дружность») словами. Наконец, маргинальный статус данного исследовательского направления позволяет традиционным наукам (этнопсихологии, культурной

* **Казакова Ольга Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета.

Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ на поддержку молодых российских ученых и ведущих научных школ. Ведущая научная школа академика Н.Н. Болховитинова «Северная Америка и ее отношения с Россией». НШ – 4405.2008.6